

ՀՀ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ
ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ
ՀՀ ԳԱՍ Հ. ԱՃԱՌՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԼԵԶՎԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԲԱՐՍԵՂՅԱՆ ՍՎԵՏԼԱՆԱ ՍԵՐՅՈՓԱՅԻ

ՀԱՅԵՐԵՆ-ՌՈՒՍԵՐԵՆ ԵՐԿԼԵԶՎԱԿՐԻ ԼԵԶՎԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ
ԲՆՈՒԹԱԳՐԵՐԸ

Ժ.02.04 - «Սլավոնական լեզուներ» մասնագիտությամբ բանասիրական
գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման արեւնախոսության

ՍԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ – 2025

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА ИМ. Р. АЧАРЯНА НАН РА

БАРСЕГЯН СВЕТЛАНА СЕРЕЖАЕВНА

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АРМЯНСКО-РУССКОГО
БИЛИНГВА

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.04 - «Славянские языки»

ЕРЕВАН – 2025

Արենախոսության թեման հաստատվել է Երևանի պետական համալսարանում:

Գիտական ղեկավար՝

բ. գ. դ., պրոֆեսոր
Ռուզան Ռուբենի Գրծեյան

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝

բ. գ. դ., պրոֆեսոր
Լիլիթ Գեորգիի Բրուսյան
բ. գ. թ., դոցենտ
Նանա Գեորգիի Տոգոշվիլի

Առաջատար կազմակերպություն՝

Գավառի պետական համալսարան

Ատենախոսության պաշտպանությունը կայանալու է **2026 թ. հունվարի 27-ին, ժամը՝ 15:00, ՀՀ ԳԱԱ Հ. Աճառյանի անվան Լեզվի ինստիտուտում** գործող ԲԿԳԿ 019 «Լեզվաբանություն» մասնագիտական խորհրդի նիստում:

Հասցե՝ ՀՀ, ք. Երևան, Գր. Լուսավորչի 15, 0015

Արենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ ՀՀ ԳԱԱ Հ. Աճառյանի անվան Լեզվի ինստիտուտի գրադարանում:

Սեղմագիրն առաքված է 2025 թ. դեկտեմբերի 22-ին:

Մասնագիտական խորհրդի գիտական
քարտուղար՝

բ. գ. թ., դոցենտ
Ն. Մ. Միմոնյան

Тема диссертации утверждена в Ереванском государственном университете.
Научный руководитель:

д. филол. н., профессор
Рузан Рубеновна Грцелян

Официальные оппоненты:

д. филол. н., профессор
Лилит Георгиевна Брутян
канд. филол. наук
Нана Георгиевна Тогошвили

Ведущая организация:

Гаварский государственный университет

Защита диссертации состоится **27 января 2026 г. в 15:00** на заседании специализированного совета 019 «Лингвистика» КВОН при **Институте языка имени Р. Ачаряна НАН РА.**

Адрес: 0015, Республика Армения, Ереван, ул. Гр. Лусаворича 15

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языка имени Р. Ачаряна.

Автореферат разослан 22 декабря 2026 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

к. филол. наук, доцент
Н. М. Симонян

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена исследованию билингвальной языковой личности армянско-русских билингвов, рассматриваемой с позиции лингвокультурной, когнитивной, прагматической и лингвокреативной организации. Особое внимание уделяется дискурсивным практикам, в которых проявляется билингвальная языковая идентичность, формирующаяся на стыке армянской и русской лингвокультуры.

Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистической науки к антропоцентрическим аспектам изучения языка, в частности – к исследованию билингвальной языковой личности как носителя уникальных лингвокультурных характеристик. В условиях интенсификации процессов глобализации и расширения межкультурной коммуникации билингвальная языковая личность становится приоритетным объектом научного анализа, поскольку ее речевая деятельность репрезентирует сложные механизмы взаимодействия, интеграции и трансформации различных языковых и культурных систем. Перспективность темы определяется необходимостью глубокого понимания особенностей когнитивных механизмов, ценностных установок и коммуникативных стратегий билингвов для обеспечения эффективной коммуникации в различных сферах социокультурного взаимодействия.

Объектом настоящего исследования выступает билингвальная личность в условиях армянско-русского двуязычия.

Предметом исследования являются лингвокультурные характеристики армянско-русского билингва, проявляющиеся в его когнитивных структурах, дискурсивных практиках, коммуникативно-прагматических стратегиях, репрезентации культурных концептов и моделях ценностной ориентации.

Цель исследования состоит в *разработке теоретико-методологической модели* билингвальной языковой личности в аспекте ее лингвокультурного конструирования, а также *в выявлении особенностей формирования и функционирования билингвального дискурса* на основе анализа дискурсивных практик армянско-русских билингвов.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

1. Осуществить теоретико-методологический анализ теории языковых контактов, концепций билингвизма, языковой личности и уточнить специфику современного билингвизма в свете транслингвальных парадигм исследования языка, обосновать интегративный подход к исследованию билингвальной языковой личности.

2. Исследовать механизмы лингвокультурной репрезентации и трансформации смысла в билингвальном дискурсе на материале дискурсивных практик армянско-русских билингвов.

3. Разработать теоретическую модель лингвокультурного и дискурсивного конструирования армянско-русской билингвальной языковой личности, обобщить полученные результаты и определить перспективы дальнейших исследований.

Научная новизна исследования заключается в разработке концепции лингвокультурного портрета армянско-русского билингва, основанной на комплексном анализе когнитивных, семантических и прагматических характеристик его дискурсивного поведения. Впервые предложена модель билингвальной языковой личности с учетом интегративной природы ее культурной идентичности и речетворческой активности.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в следующих областях:

1. В образовании – при разработке и преподавании курсов по межкультурной коммуникации, социолингвистике, лингвокультурологии и билингвизму.

2. В сфере межкультурной коммуникации и миграционной политики – для более точного понимания специфики коммуникативного поведения армянско-русских билингвов в разных социокультурных контекстах, что особенно важно при разработке стратегий

интеграции, адаптации и сохранения культурного и языкового разнообразия.

3. В прикладной лингвистике – при создании лингводидактических материалов, методик преподавания русского как иностранного (в армянской аудитории) и армянского как наследуемого языка (в русскоязычной среде), с учетом лингвокультурологических и прагматических особенностей билингвального дискурса.

4. В лингвокультурной экспертизе и переводоведении – при анализе текстов, созданных билингвами, для выявления культурных интерференций, семантических сдвигов и стратегий кодового переключения.

Данное исследование создает теоретическую и методологическую базу для дальнейших научных разработок в области билингвизма, лингвокреативности и динамики языковой личности в условиях социокультурного взаимодействия. Армянско-русский билингвальный контекст может стать моделью для изучения лингвокультурных процессов в других би- / полиэтнических и полилингвальных сообществах.

Методология исследования. Исследование проводилось в рамках концептуальной линии, ориентированной на анализ динамичных лингвокультурных практик в условиях билингвизма и производных от него транслингвальности и транскультуральности.

Методы исследования. Для достижения целей исследования применялась интеграция лингвистических, гуманитарных, когнитивных и дискурсивно-семантических методов:

Лингвистические методы: наблюдение и структурно-словообразовательный анализ речевых единиц армянско-русских билингвов, направленный на выявление особенностей словообразования и функционирования языковых средств в условиях билингвального дискурса.

«Общегуманитарные методы: описательный подход для систематизации и классификации билингвальных проявлений, включающий сбор эмпирического материала, его классификацию, обобщение и выявление устойчивых лингвокультурных маркеров билингвальной идентичности.

Когнитивные методы: реконструкция фоновых знаний, обуславливающих создание билингвальных и транслингвальных единиц, с целью выявления глубинных когнитивных механизмов билингвальной коммуникации (*фреймовый анализ, концептуальный анализ, контекстуальный анализ, когнитивное моделирование*).

Дискурсивно-семантический анализ: исследование семантических и прагматических особенностей дискурсивной деятельности армянско-русских билингвов»¹, интерпретация стратегий кодового переключения, гибридизации и создания окказиональных и креолизованных форм.

Источники исследования. Материалом послужили фрагменты спонтанной и публичной речи билингвов, а также тексты, созданные армянско-русскими авторами (литературные и публицистические тексты, фрагменты интервью, социальные сети). Выбор обусловлен стремлением охватить как повседневные формы коммуникации, так и более рефлексивные, авторские проявления языковой креативности.

По результатам исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Двухязычие армянско-русских билингвов формируется в результате лингвокультурного взаимодействия и транскультурной коммуникации, что приводит к становлению билингвальной языковой личности, основанной на взаимодействии трех семантических полей – армянского, русского и билингвального.

2. Армянско-русская билингвальная личность представляет собой сложный лингвокультурный феномен, интегрирующий вербально-семантический, когнитивный,

¹ Савченко И.А., Тадевосян Т.В., Барсегян С.С. Метанарратив и фразовый режим в дискурсе армянского города // Язык и культура. Томский государственный университет, 2024, № 65. – С. 28-55.

мотивационно-прагматический и лингвокреативный уровни, проявляющийся в способности к многозначному использованию языковых единиц и переносу лингвокультурных элементов между языками.

3. Семантическая организация армянско-русских билингвов демонстрируют двойную лингвокультурную принадлежность и специфическую маркированность языковых единиц, которые функционируют как внутри одной языковой системы, так и на стыке двух лингвокультур, приводя к формированию билингвальной идентичности.

4. Дискурсивные практики армянско-русских билингвов характеризуются активным применением транслингвальных стратегий – кодовых переключений, гибридизации и эрративизации языковых средств, что свидетельствует о когнитивной активности (способности активно оперировать языковыми средствами, манипулировать значениями и адаптировать высказывание к коммуникативной ситуации) и лингвокреативности армянско-русской билингвальной языковой личности.

Дальнейшее теоретическое осмысление и изучение новых форм существования билингвальных дискурсов будет способствовать расширению научного поля исследования, уточнению понятийного аппарата, выявлению новых коммуникативных механизмов и преодолению противоречий, возникающих при анализе трансформирующихся дискурсивных практик в условиях глобализационных процессов.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается адекватностью используемых методов поставленным задачам, обоснованностью теоретических положений и выводов, а также апробацией результатов на научных мероприятиях и в публикациях, в том числе в изданиях, индексируемых в международных наукометрических базах данных, включая Web of Science.

Апробация исследования и публикации. Основные положения и результаты диссертационного исследования прошли апробацию на республиканской научной конференции (Ереван, 2020), а также на международных научных форумах и конференциях (Москва, 2024, 2025 (2); Ростов, 2024). Материалы исследования были представлены и обсуждены на научно-методических семинарах кафедры иностранных языков и литературы ВГУ. По теме диссертации опубликовано 8 научных статей на русском и английском языках в рецензируемых научных изданиях.

Структура и содержание диссертационного исследования соотносятся с целью и задачами работы и подчинены логике научного изложения. Общий объем диссертации составляет 218 страниц, из которых 163 страницы – основной текст. Структура работы включает *введение, три главы, каждая из которых подразделяется на подглавы и параграфы, заключение, а также список использованной литературы и источниковую базу исследования* (216 наименований), а также *четыре приложения*. Приложения содержат корпус эмпирических данных – дискурсивные фрагменты монологической речи армянско-русских билингвов. Языковые материалы подвергнуты лингвокультурной и семантико-прагматической интерпретации. Эмпирическая база служит верификацией теоретических положений, сформулированных в ходе исследования, и обеспечивает надежность и обоснованность сделанных выводов.

Основное содержание работы

Во **Введении** отражены актуальность, научная новизна и практическая значимость исследования, сформулированы его цель и задачи, а также определены объект и предмет и охарактеризованы методы анализа. Обоснована необходимость изучения армянско-русской билингвальной языковой личности как лингвокультурного феномена, отражающего взаимодействие армянского, русского и билингвального идентичностей. Представлен обзор современного состояния проблемы с акцентом на недостаточную разработанность

комплексного подхода к описанию лингвокультурной идентичности билингва, обозначены теоретические и эмпирические основания работы.

Глава первая «Билингвизм как результат лингвокультурного взаимодействия и транскультурной коммуникации» рассматривает билингвизм как результат лингвокультурного взаимодействия и транскультурной коммуникации с акцентом на теоретические основания языковых контактов, социокультурную специфику современного билингвизма, онтогенез языковой личности и методику ее эмпирического изучения.

В подглаве 1.1. *«Основные концепты и подходы в теории языковых контактов»* представлено изучение ключевых понятий теории языковых контактов, включая категории билингвизма, интерференции, кодового переключения, пиджинизации, креолизации как базовых для анализа языкового взаимодействия. Обобщены различные подходы к определению билингвизма (У. Вайнрайх, Э. Хауген, Л. Блумфилд, В.Ю. Розенцвейг, С. Демке и др.), а также приведена многоаспектная классификация по возрастным, функциональным, когнитивным и этнолингвистическим и др. параметрам. Отсутствие единого универсального определения и широкое терминологическое поле определяют необходимость междисциплинарного подхода к его исследованию – с привлечением социолингвистических, психолингвистических и лингвокогнитивных методов.

Билингвом в рамках данного исследования *считается индивид, обладающий функциональной компетенцией во втором языке, обеспечивающей успешную реализацию речевой деятельности в значимых для него коммуникативных и социокультурных контекстах*. При этом владение вторым языком на уровне родного не рассматривается как обязательный критерий. Такой подход учитывает возможность гибридной, билингвальной коммуникации, характерной для контактов между билингвами в пределах одного социума, включая использование смешанной речи, латентное или прагматическое функционирование второго языка.

В подглаве 1.2. *«Современный билингвизм как феномен глобализации»* анализируются современные модели билингвальной коммуникации в условиях глобализации, цифровизации и интенсификации культурных контактов. Билингвизм в современных социокультурных ситуациях выступает как динамичная и гибкая система, в которой языки функционируют взаимосвязанно, формируя единую интегративную языковую компетенцию (концепция Дж. Камминса).

Особое внимание уделяется новым контактологическим парадигмам – *транскультурации* (Ф. Ортис) и *транслингвизму* (О. Гарсия, Ли Вей), которые отходят от традиционного представления о двух отдельных языках и рассматривают билингвальную речь как пространство языковой гибридизации, семиотической адаптации и речетворчества. Транскультуральные и трансязычные практики способствуют формированию новых идентичностей и межязыковой коммуникации, выходящих за рамки бинарного восприятия языков.

В подглаве 1.3. *«Онтогенез языковой личности в контексте билингвизма»* билингвизм рассматривается как сложное социо- и психолингвистическое явление, тесно связанное с понятием языковой личности (далее – ЯЛ). Язык при этом понимается не только как средство коммуникации, но и как фактор, *формирующий личность, задающий ей мировоззренческие и коммуникативные рамки*. Согласно позиции У. Вайнрайха, языковой контакт осуществляется через индивидов, владеющих двумя и более языками, а, следовательно, – *через их ЯЛ²*.

Теоретическую основу составляет концепция ЯЛ, разработанная В.В. Виноградовым и

² Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / пер. с англ., коммент. Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1979. – 247 с.

развиваемая в трудах Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина и др. *ЯЛ воспринимается как обобщенная категория личности, «реконструированной в основных чертах на базе языковых средств»*³. В соответствии с моделью Ю.Н. Караулова, ЯЛ представляет трехуровневую структуру, состоящую из *вербально-семантического (лексикон), лингвокогнитивного (тезаурус) и мотивационно-прагматического (установки и цели коммуникации) уровней*. Следовательно, формирование и выражение ЯЛ происходят в процессе общения, что позволяет *рассматривать ее в контексте конкретного дискурса с учетом потребляемых и производимых текстов*.

Подходы к пониманию билингвальной языковой личности (далее – БЯЛ) опираются на модель ЯЛ Ю.Н. Караулова и уточняются в рамках концепции вторичной ЯЛ (далее – ВТЯЛ) И.И. Халеевой, связанной с психолингвистическими процессами овладения вторым языком. ЯЛ рассматривают как отражение идентичности через язык, тогда как ВТЯЛ акцентирует *изменения личности под влиянием второго языка и культуры*. И.И. Халеева дифференцирует две тезаурусные области языковой деятельности индивида. Рассматриваемая концептуальная система или образ мира не удваивается, а скорее сливается: когнитивные структуры, созданные в результате формирования ВТЯЛ, интегрируются в когнитивные структуры, основанные на родной культуре.

БЯЛ рассматривается как тип ЯЛ, формирующийся в условиях билингвальной и бикультуральной среды, обладающий многоуровневой структурой и интегрирующий элементы двух лингвокультурных систем.

С опорой на существующие модели ЯЛ и с учетом задач анализа структуры вторичной БЯЛ, в исследовании предлагается расширенная четырехуровневая модель:

Уровни билингвальной ЯЛ	Особенности, проявления ЯЛ билингва на данном уровне
Вербально-семантический	Возникает процесс бинарной рецепции в сознании и номинация предметов; объем и содержание информации интегрируются.
Лингвокогнитивный	Происходит инкультурация и интеграция понятий и концептов на фоне социокультурной ассимиляции, формирование билингвальной культурно-языковой личности под влиянием инокультурных стереотипов и концептуальной картины мира.
Прагматический	Осуществляет выбор языковых элементов в соответствии с целями и мотивами коммуникации в определенных сферах коммуникации.
Речетворческий	Демонстрирует способность оперировать существующим метаязыковым материалом и креативным потенциалом языковых систем.

Таким образом, БЯЛ – это результат взаимодействия двух культурных систем, сочетающий устойчивую этнокультурную идентичность, одновременно интегрируя элементы иной культуры в процесс межкультурной коммуникации. Такое взаимодействие способствует расширению лингвокультурной идентичности билингва и усложнению его речевого поведения в условиях культурной вариативности.

В подглаве 1.4. ***«Методы и принципы анализа языковой личности»*** рассматриваются теоретико-методологические подходы к изучению ЯЛ и их применение в контексте анализа БЯЛ. Одной из задач теории ЯЛ является ее типологизация, связанная со сложностью и уникальностью исследуемого объекта. Выделяются два подхода к ее моделированию:

³ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2002. – 264 с.

анализ языковых средств и текстов (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин) и социо-психологические параметры и их речевые проявления (Н.Д. Голев и др.). В контексте билингвизма акцент смещается на создание лингвокультурного портрета БЯЛ на основе лексико-семантического и прагматического анализа. Речевая продукция билингва культурно обусловлена, а ее изучение требует комплексного подхода, включающего лингвокультурологические, социолингвистические и лингвопрагматические методы, что позволяет реконструировать уровневую идентичность БЯЛ как субъекта межкультурной коммуникации.

В подглаве 1.5. «*Методика сбора фактического материала*» представлена система методов, примененных для изучения БЯЛ. Опрос 300 армянско-русских билингвов выявил языковые предпочтения, мотивацию переключения и уровень владения языками. Особое внимание уделялось влиянию культурных факторов и гибридным конструкциям. Материал охватывает как устные формы (спонтанная и публичная речь), так и письменные тексты билингвов, отражающие как бытовое, так и рефлексивно-креативное использование языков, а комплекс методов обеспечил всесторонний анализ билингвальных практик.

Глава вторая «*Лингвокультурные маркеры уровней организации билингвальной языковой личности*» посвящена изучению структурной организации БЯЛ, с акцентом на лингвокультурную маркированность языковых единиц, коннотативные особенности дискурса армянско-русских билингвов и функционирование прецедентных феноменов в их лингвососемантической системе.

В подглаве 2.1. «*Тезаурус и прагматикон в структуре билингвальной языковой личности*» анализируется структура БЯЛ на основе ее уровней. Лингвокультурная организация БЯЛ определяется через взаимодействие тезаурусного, мотивационно-прагматического и речетворческого уровней, отражающих понятийную картину мира, коммуникативные установки и креативную языковую активность билингва.

Эти уровни, в отличие от вербально-семантического, обладают культурологической маркированностью⁴ и демонстрируют как устойчивые, так и динамичные черты языкового сознания. Речетворческий уровень, как неотъемлемый элемент структуры БЯЛ, репрезентирует креативную языковую деятельность билингва, направленную на производство оригинальных дискурсивных форм, отражающих интеграцию элементов двух или более лингвокультур.

Таким образом, лингвокультурная организация БЯЛ определяется через взаимодействие структурных уровней, обладающих культурологической значимостью и детерминированных двуязычной и бикультурной идентичностью.

Параграф 2.1.1. «Анализ лингвокультурной маркированности языковых единиц» посвящен исследованию билингвального дискурса как коммуникативно-когнитивной системы, отражающей взаимодействие различных языков и культур. Армянско-русский билингвальный дискурс рассматривается как форма речевой деятельности, в которой культурно-обусловленные языковые элементы выполняют ключевую роль в формировании когнитивного опыта и в репрезентации культурной идентичности билингва.

Билингвальный дискурс в работе определяется как текст, рассматриваемый в контексте взаимодействия двух и более языковых и культурных систем, характеризующийся наличием смещением лингвокультурных кодов, расширяющим коммуникативные возможности и создающим уникальные когнитивные модели.

Ключевым показателем лингвокультурной специфики билингвального дискурса выступает наличие культурно маркированных языковых единиц, таких как *коннотативная*

⁴ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2002. – 264 с.

лексика, паремия, прецедентные феномены, ономастикон и гибридные формы, выполняющие функцию «стратегий коррекции модели мира». Эти единицы несут культурную информацию, обеспечивают смысловую адаптацию и отражают двуязычную идентичность в дискурсивной практике.

В параграфе 2.1.2. «**Коннотативное моделирование дискурса армянско-русских билингвов: лингвокультурная перспектива исследования**» рассматривается специфический лингвокультурный метаязык дискурсивных практик армянско-русских билингвов – коннотативная лексика, выражающая эмоционально-оценочное и стилистически маркированное отношение БЯЛ к действительности.

Коннотативные элементы представляют собой семантические структуры, насыщенные субъективными и культурно маркированными значениями. Они активизируются в процессе билингвального взаимодействия и обеспечивают актуализацию как узуальных, так и окказиональных смыслов. Особую значимость в этом процессе приобретает *трансференция* – перенос лингвокультурных компонентов из одной языковой системы в другую, происходящий как в форме *прямого калькирования*, так и через *когнитивную интеграцию* и *семантическую адаптацию*. Примеры *трансферентных коннотаций* демонстрируют билингвальную мотивированность коннотативного значения речевых единиц. Например, выражение «*помягче камня*» – перенос армянской метафоры «*քարից փափուկ*» в русскую речь для усиления экспрессивности и иронии, аналогично русскому «все, что под руку попадется».

Анализ речевых практик армянско-русских билингвов позволяет выделить два типа трансферентных коннотативных значений:

Этнокультурный перенос – калькирование устойчивых метафор, выражений и концептов из одной лингвокультуры в другую с сохранением культурной идентичности:

(1) фраза из комментария деловых партнеров о сотрудничестве «*темные углы*» – калька армянского «*մութ անկյուն*», означающая «неположительную сторону» отношений.

(2) слово «*бюша*» – армянский стереотипный концепт для обозначения «нахального и назойливого человека», используемый в русскоязычном дискурсе для усиления стигматизации и передачи культурных оценок.

(3) выражение «*тяжелые слова*» – калька армянского «*ծանր խոսք*», имеющая двойную коннотацию: боль и уважение, отражая ценностные ориентиры армянской культуры, используемое в русскоязычной речи билингва.

Когнитивная интеграция – синтез лингвокультурных элементов для создания новых смысловых моделей и концептуальных структур:

(1) жалоба на соседку с выражением «*пилить мозги*» (рус.) и «*ներքեր տղոց*» (арм.) – демонстрация *когнитивной интеграции*, объединяющей разные лингвокультурные метафоры раздражения.

(2) яростная речь мужчины с фразами «*пушу их на ветер*» (армянская метафора «*քշիլնի փշ*») и «*костей не собрать*» (русское устойчивое выражение), создающими гибридный, гиперболизированный дискурс.

Трансферентные коннотативные значения **всегда контекстуально зависимы**, поскольку их интерпретация требует знания культурных и социальных контекстов, в которых они используются. Коннотативные значения, которые возникают в результате трансференции, **динамичны и изменчивы** в зависимости от изменения социокультурного контекста и опыта билингва.

В подглаве 2.2. «**Лингвокультурные маркеры прецедентных феноменов в дискурсивно-семантической системе армянско-русских билингвов**» проводится комплексный анализ функционирования прецедентных феноменов (далее - ПФ) в

билингвальном дискурсе. ПФ и их концепты⁵ являются ключевыми элементами тезауруса и прагматикона БЯЛ, демонстрируя выраженную интертекстуальность дискурса.

В билингвальной коммуникации ПФ функционируют как культурно узнаваемые когнитивные инварианты, активирующие национально специфические фреймы и обеспечивающие гибкое переключение между культурными контекстами. Обусловленные дискурсивной деятельностью БЯЛ, ПФ кодируются в когнитивной базе носителей двух лингвокультур и являются продуктом их речемыслительной деятельности. Их выбор, актуализация и семантическая нагрузка обусловлены культурным опытом билингва, в котором армянский и русский языки не просто сосуществуют, а постоянно взаимодействуют, отражая ценностные приоритеты, эмоциональные и этические установки говорящего. Анализ ПФ в билингвальном дискурсе позволяет выявить механизмы интеграции лингвокультур, трансформации смыслов и реализацию коммуникативно-прагматических функций, зависящих от ситуации и культурного контекста.

Изучение ПФ проводилось путем определения их культурных доминант и исторического контекста, выявления коммуникативных целей и тактик использования, а также способов обращения к ним в дискурсе армяно-русских билингвов.

Анализ выявил два основных направления функционирования ПФ: *внутрисистемное* – в рамках одной языковой системы (например, использование русских ПФ в русскоязычном дискурсе), и *межсистемное* – при интеграции элементов одной лингвокультуры в дискурс другой. Последнее представляет особый интерес в аспекте формирования билингвального дискурса как гибридного пространства.

В параграфе 2.2.1. «*Межсистемное использование прецедентных феноменов в дискурсе армяно-русских билингвов*» рассматривается межсистемное функционирование ПФ как средства выражения культурной идентичности и когнитивной интеграции в армяно-русском билингвальном дискурсе. *Межсистемное* функционирование ПФ в дискурсе армяно-русских билингвов основывается на включении элементов одной лингвокультуры в дискурс другой, создавая при этом *эффекты кодового переключения, интертекстуальности и культурно-языковой гибридности*. Ключевую роль в этой классификации играет соотношение «языка-донора» и «языка-реципиента». Исходя из этого выделяем:

1. Межсистемный перенос армянских ПФ в русскоязычный дискурс;

2. Межсистемный перенос русских ПФ в армяноязычный дискурс (рассматриваются в следующей главе).

Анализируются случаи включения армянских ПФ в русскоязычный дискурс с акцентом на дословных и адаптированных переносах в рамках кодовой интеграции и адаптации.

Армянские ПФ выполняют разные прагматико-семантические функции: от оценки до маргинализации. Так, фраза «*Мышка заговорила в свою очередь*» (басня А. Хнкояна) используется с иронической целью дискредитации, реализуя стратегию маргинализации через аллюзивную отсылку к образу из армянской культуры.

Другим примером является эксплицитное использование фразы «*Костюм должен тебя украшать?!*», реплицирующей прецедент из фильма «Невеста с севера». Здесь ПФ выполняет функцию положительной оценки, актуализируя национальные представления о внутренней ценности личности.

Особое внимание уделено функционированию прецедентных имен (далее - ПИ) как элементов фреймовой структуры. Так, ПИ армянской культуры (например, *Гикор, Храбрый Назар, Нжде и др.*) активируют культурные фреймы (жертвенность, мнимая храбрость,

⁵ Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 139 с.

национальный героизм), транслируя когнитивные смыслы, маркеры идентичности и ценностные приоритеты. Например, ПИ «Гикор» из произведения О. Туманяна репрезентирует когнитивный фрейм наивности, жертвенности и социальной уязвимости. В примере «Он отличился гикорством» наблюдается перенос отрицательной коннотации на адресата, демонстрируя стратегию снижения статуса через культурную аналогию.

Аналогично функционирует ПИ «Храбрый Назар», отсылающий к персонажу, воплощающему модель несоответствия между мнимой и реальной храбростью. Употребление: «Обычные трусливые Назары» иллюстрирует использование культурного стереотипа как оценочного ярлыка. Через ПФ реализуется функция социальной оценки и отвержения определенной поведенческой модели.

В параграфе 2.2.2. «Квазицитация как ресурс лингвокреативной деятельности армяно-русских билингвов» посвящена анализу квазицитации как механизма лингвокреативной деятельности, отражающего игру с прецедентностью и идиоматичный потенциал речи армяно-русских билингвов. ПФ в дискурсе армяно-русских билингвов функционируют в разных формах и объемах – от отдельных слов и словосочетаний, до высказываний и фрагментов текста⁶. В дискурсе армяно-русских билингвов выделяются следующие формы квазицитации:

Графическая замена (транслитерация, смена алфавита, орфографические модификации): «бездоотная жизнь», «tooda» – пример межязыковой омофонической аттракции, создающей графодериваты.

Функциональная модификация – переработка структуры ПФ, усиление экспрессии: «мальчик для бритья» (вместо «битья») – паронимическая аттракция с иронической функцией, подчеркивающая бесправное положение⁷.

Коммуникативный фрагмент «Нас, армян, умом не понять» представляет собой пример квазицитации с прагматической адаптацией, указывающий на процесс интерпретационного переноса и смысловой трансформации, в которой исходный смысл, связанный с иррациональностью российской ментальности, переносится на армянский контекст. «Такие квазицитации могут быть квалифицированы как окказиональные. Доля таких прецедентов в дискурсе билингвов не слишком высока, но именно они позволяют нам говорить о лингвокреативном и идиоматическом потенциале, которым, несомненно, обладает устная речь армяно-русских билингвов»⁸.

Таким образом, билингвы, сознательно применяя *речевые техники переноса и адаптации*, создают уникальные билингвальные дискурсивные практики, стирая языковые границы и объединяя элементы различных языков.

В третьей главе «Транслингвальные коммуникативные стратегии в дискурсе армяно-русских билингвов» анализируются ключевые билингвальные стратегии – кодовое переключение, гибридизация и эрративизация – как средства успешной коммуникации и формирования гибридных лингвокультурных идентичностей.

В подглаве 3.1. «Стратегии переключения кодов в билингвальном дискурсе» анализируется феномен кодового переключения (далее – КП) как осознанной и системной коммуникативной стратегии, широко представленной в дискурсе армяно-русских билингвов. КП рассматривается как форма речевого поведения, при которой языки чередуются в пределах одного дискурса, предложения или высказывания⁹. В билингвальном

⁶ Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993. С. 98–117.

⁷ Савченко И.А., Грдзелян Р.Р., Барсегян С.С. Городская билингвальная среда как синергетическое пространство дискурсивной лингвокреативности // *Язык и культура*. Томский государственный университет. 2025. № 72. С. 51–79.

⁸ Там же.

⁹ Poplack Sh. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español": Toward a typology of code-switching. *Spanish in the United States: Sociolinguistic Perspectives*. – New York: Cambridge University Press, 1980. – Pp. 230–263.

дискурсе интеграция языков не воспринимается как гетерогенный элемент, а функционирует как осмысленный *прагматический инструмент*, способствующий эффективной коммуникации между участниками взаимодействия. Переключение между языками обусловлено рядом факторов: прагматической целью высказывания, степенью эмоциональной вовлеченности, социальным статусом адресата, характером коммуникативной ситуации (официальной или неформальной), а также степенью культурной близости между собеседниками.

Армянско-русские билингвы демонстрируют высокий уровень метаязыковой осознанности, гибко адаптируя языковые ресурсы к ситуативным условиям, что позволяет рассматривать их *речевую практику как проявление лингвокреативной активности и межкультурной медиативности*.

В подглаве 3.2. «*Прагматика и функции кодовых переключений в дискурсе армянско-русских билингвов*» КП в армянско-русском билингвальном дискурсе рассматриваются с позиций прагматики и дискурсивного анализа, в отличие от традиционных структурных подходов. Исследование опирается на функционально-прагматическую парадигму, в которой КП трактуются как осознанный инструмент управления речевым взаимодействием, тесно связанный с контекстом, коммуникативной целью и лингвокультурной идентичностью говорящего. Это позволяет выйти за рамки структурного анализа языкового чередования и выявить внутреннюю мотивацию билингва, обусловленную прагматическими, культурными и эмоциональными установками. Такой подход обосновывает необходимость многоаспектной классификации КП в армянско-русской билингвальной коммуникации, включающей *семантико-функциональный* подход, основанный на семантике переключаемых элементов и их функциях; *прагматический* аспект, отражающий коммуникативные цели говорящего; *дискурсивное* применение – структурирующее дискурс или текст. Анализ эмпирического материала показывает, что чередование кодов не подчиняется жесткой грамматической логике, а регулируется дискурсивной стратегией: армянский и русский языки функционируют в едином билингвальном пространстве как равноправные и дополняющие друг друга системы.

Предлагается комплексная классификация КП:

1. На уровне *лексико-семантических КП* наблюдается включение отдельных слов и выражений с высокой экспрессивной и культурной нагрузкой. Например, в высказывании «... *Просто գեղեցկուհիներ*» армянское слово *գեղեցկուհիներ* усиливает стилистико-эмоциональную окраску высказывания, подчеркивая при этом национальную специфику восприятия красоты. В фрагменте: «*Арам джан, ты наш հրաշամանուկ...*» армянское *հրաշամանուկ* дополняет русский контекст, создавая культурно-специфическое значение, подчеркивающее эмоциональную окраску, усиливая теплоту и значимость обращения. Данные фрагменты, а также следующий пример построены на внутрифразовом КП с использованием интеграции элементов другого языка внутри одной фразы без нарушения грамматического порядка. В примере «*Зачем столько муки кладешь, այ կնիկ, сделала գեղոյ բան*» вкрапление *այ կնիկ* передает оттенок укоризны, а *գեղոյ բան* – пренебрежительное обозначение чего-то неэстетичного, грубого.

Особый интерес представляет феномен «*билингвального повтора*» – «*Ուշացի, ցե, վերջացրեցի՞ք, հա՛*» или комментарий на статью в Фейсбук: «... *Գաղղրնի՛ ի լուր աշխարհի, ու սեքրետը ամբողջ աշխարհին*» – где дублетное функционирование тождественных КП используется для передачи эмотивной функции и выражения билингвальной идентичности.

В примере: «*Зять мой вчера говорит: "Դուք դեռ ատենակ ճաշ եք ուտում", причем крайне брезгливо и с сарказмом, մոլ յանի, կերածներդ ապել չի*», билингвальная коммуникация строится на основе языковой паронимической игры как стратегии

смыслового переключения: *ալվերիկ*, который в дискурсе передается русским переводом армянского паронима *ալվի*, что создает эффект иронического контраста. Переключение между кодами усиливает семантическую амбивалентность, поскольку в русском языке *веник* в контексте еды ассоциируется с грубой, непригодной пищей, в то время как *ալվերիկ* в армянской культуре – это обычный, пусть и скромный продукт. В данном фрагменте наблюдается также грамматическая адаптация русской лексики *веник* с прибавлением армянского аффикса *-իկ* (веник-*и*к) – показателя инструментального падежа. Это типичный случай морфосинтаксической интеграции заимствования в билингвальный дискурс.

Апелляция к русским лингвокультурным элементам в дискурсе билингвов играет ключевую роль в передаче определенного прагматического смысла. Так, например, в выражении «... *Քն ւսարմութիւնը ինձ հաս եկաւ – մի տեսաւ-ի ք հիշեցնում*» вкрапление русского прецедентного текста сопровождается морфологической адаптацией – добавлением армянского артикля определенности «-ի» («-н»).

2. На **когнитивном** уровне КП служат для экспликации концептов, отсутствующих в одном из языков. Например, национально-культурные стереотипы передает армянское выражение в комментарии: «*Мне кажется, что армяне синоним слова մոռնալ*» (армянское *մոռնալ* описывает особую форму обиды, сочетающуюся с демонстративным негодованием и претензией), демонстрирующее использование армянской культурной категории, не имеющей эквивалента в русском. «*О погоде в Ереване: Գիտ մարտը ընդհատվում է...*» реализуется островное КП, при котором армянское выражение *Գիտ մարտը* (досл.: безумный март) интегрируется в русскоязычную структуру без грамматической адаптации, функционируя как семантически и прагматически ассимилированный элемент.

КП в билингвальном дискурсе выполняет не только экспрессивно-прагматическую, но и когнитивную функцию, что отчетливо проявляется в примере с интеграцией русскоязычного элемента *маньячка* в армяноязычную синтаксическую конструкцию: «... *ընդհատվում է մարտը*». Здесь наблюдается островное КП, при котором русская лексема *маньячка* выступает оптимальным средством передачи семантического комплекса значений, включающего гиперактивность, навязчивость и эмоциональную выразительность.

3. **Модально-оценочные** КП реализуются через интеграцию модальных слов и междометий, выражающих отношение говорящего к высказыванию с целью усиления эмоциональной окраски высказывания. Самым распространенным островным КП является лексема *джан* (*ջան*) с ее формами *джаник*, *джана*, *джанс*, выполняющая комплекс функций, среди которых можно отметить эмотивную, фатическую, прагматическую и социокультурную. Такая частотность употребления лексемы *джан* в билингвальном дискурсе обусловлена ее лакунарностью в МЯ, семантической и прагматической многозначностью и культурной маркированностью. В примерах «*Անուան ջան, ասում եմ, որ ...*» и «*Комментарии к воспоминанию Н. Абгарян: – Вай, Нарине, ты лучшая! / – Вах, до мурашек. / – Люблю тебя, Нарине джан. / – Спасибо тебе, дорогая. Цвет танем, Нар джан, обнимаю*» КП структурирует высказывание и функционирует как эмотивный маркер. С одной стороны, оно выполняет функцию персонализации («*Джаник*, мы во всем времени одновременно, *էի: Ասես, հսկայել ես, ցաշիկ*») обращения, с другой – выступает как с позиции обращения, так и компенсации возможной резкости последующего высказывания, нивелируя его перлокутивное воздействие. Это особенно выражено в первом примере.

В армяно-русском билингвальном дискурсе частотно также употребление армянских междометий *вай* и *вах*, которые выполняют модальную функцию и передают эмоционально-

экспрессивную реакцию говорящего: «**Вай**, *Нарине, ты лучшая!*» выражает восхищение и позитивную оценку, и наоборот, в выражении «**Вай**, *убейте меня, лишь бы не слышала этот вопрос*» предстает как средство гиперболизации отрицательных эмоций, передавая досаду или раздражение.

4. На **дискурсивно-структурном** уровне элементы другого языка интегрируются для структурирования высказывания. В примере «– Почему ты не ешь блинчики? // – **Во-первых**, *չեմ ուզում, во-вторых, ուշ ւ:* // – Ну хорошо, как знаешь. *Բայց շա՞ր համո՞ղ եմ:* // – *Զեմ կսովածով, завтра попробую*» русские маркеры последовательности (*во-первых, во-вторых*) вводят в речевой акт аргументы и структурируют ответ, после которых следуют армянские элементы (*չեմ ուզում* – «не хочу», *ուշ ւ* – «поздно»). Такое функционирование языковых систем демонстрирует естественное использование билингвами русских логических связок для организации мысли в билингвальном дискурсе. В фрагменте: «**Մեկ էլ**, *Элен просила передать, ...*», армянская фраза «**Մեկ էր**» структурирует высказывание и служит способом естественного введения новой информации, в которой отсутствует эмоциональная окраска.

Таким образом, КП в приведенных билингвальных дискурсивных фрагментах выполняют разные прагматические функции: эмотивную (сожаление, раздражение, сарказм), структурирующую высказывание или подчеркивающую официальный характер сообщения, выступая как средство контекстуализации (Gumperz)

5. **Игровые** переключения – использование КП как средства языковой игры для создания комического, иронического или стилистического эффекта. Данная прагматическая функция КП основана на пародировании языковых норм, намеренном смещении языков, игре слов и других экспрессивных приемов.

Билингвальный диалог между учеными - архитектором и археологом: «... – **Да-а, скажешь без скромной ложности, իմը ալե՞նի լավն էր:**», строится на каламбуре - комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению фраз. Говорящий сознательно искажает известную фразу «*без ложной скромности*», меняя не только порядок слов на «*без скромной ложности*», но и смысловой акцент, стилистическую окраску, а иногда прагматический подтекст и пресуппозицию – подразумеваемое значение.

В примерах «– Ты **рад**, что мы будем соседями? / – Я рад, но хочу, чтобы **դուր էլ քաշեիր**», «– Ну **дура** / – Ո՞ր **դուրը**» наблюдается применение приема фонетического каламбура, который строится на межязыковой омофонии русских слов «рад», «дура» и армянских выражений «**քաշեիր**» (что означает «исчезните») и «**դուրը**» (досл.: дверь). Билингвальность усиливает каламбур, превращая стандартный диалог в легкую шутку.

Таким образом, приведенные билингвальные фрагменты демонстрируют игру со стереотипными речевыми конструкциями, характерную для билингвального юмора, где знание обеих языковых систем позволяет осознанно нарушать языковые нормы ради комического эффекта.

Анализ показал, что в билингвальном дискурсе КП выполняют не только функцию языкового чередования, но и являются механизмом конструирования дискурса, выражения культурной идентичности и эмоциональной вовлеченности. Примеры демонстрируют грамматическую адаптацию, интертекстуальные отсылки и стилистическую игру, что позволяет говорить о развитой системе трансязыковой прагматики.

В параграфе 3.3. «**Неконвенциональные формы кодовых переключений: гибридизация и эрративизация языковых единиц в дискурсивных практиках армяно-русских билингвов**» КП рассматривается как наиболее креативный аспект билингвальной коммуникации (по Е. Хоффман), позволяющий не только чередовать языковые системы, но и активно модифицировать, трансформировать и экспериментировать с языковыми

ресурсами в процессе общения. Билингвальный дискурс характеризуется как *структурно неоднородная композиция*, способная оперировать не только метаязыковым материалом, но и креативным потенциалом языковой системы – приемами языковой игры, эмотивностью, пародийностью, словотворчеством и манипуляцией формой и содержанием. Особое внимание уделяется *неконвенциональным формам КП*, выходящие за рамки метаязыковой нормы – **гибридизация** и **эрративизация**, которые не свидетельствуют о языковом нарушении, а напротив, выступают как проявления креативного взаимодействия языков, средства речевой игры и генерации новых смыслов на стыке языков и культур. Подобные формы выполняют функции выражения лингвокультурной идентичности и языковых предпочтений.

Параграф 3.3.1. «Лингвокреативность и языковая игра как проявления когнитивной активности билингвальной языковой личности» посвящена анализу лингвокреативности как когнитивной способности БЯЛ к нестереотипному, оригинальному использованию языковых средств. Лингвокреативность, связанная с дивергентным мышлением, проявляется в создании нестандартных речевых конструкций, нарушающих устоявшиеся языковые нормы. Одной из форм реализации креативного потенциала выступает *языковая игра*, понимаемая как *осознанное варьирование языковых правил с целью достижения коммуникативного эффекта*. Современная лингвистика рассматривает языковую игру как способ трансформации языковых единиц ради усиления выразительности, экспликации скрытых смыслов, создания новых значений и достижения эстетического или комического эффекта. В билингвальном дискурсе она выполняет не только стилистическую, но и культурную функцию, отражая когнитивную активность, культурную гибкость и коммуникативную чувствительность билингва.

В параграфе 3.3.2. «Гибридизация как продуктивный механизм языковой игры в армянско-русском билингвальном дискурсе» гибридизация рассматривается как один из центральных механизмов языковой игры, проявляющейся в армянско-русском билингвальном дискурсе. **Гибридизация** в данной работе определяется как *процесс осознанного соединения элементов армянского и русского языков по словообразовательным и грамматическим моделям языка-реципиента*. Эти формы – не механическое заимствование, а результат креативной языковой стратегии, способствующей созданию экспрессивно и идентификационно значимых лексем. Такие гибридные формы, Г.Н. Чиршева определяет как **пиджинизированные переключения**, рассматривая субституцию содержательных морфем одного языка морфемами другого как частный случай КП¹⁰.

В дискурсивных практиках армянско-русских билингвов зафиксированы случаи гибридизации, проявляющиеся в создании гибридных форм существительных, прилагательных, слов категории состояния и глаголов. Эти гибридные формы представляют собой лексико-грамматические единицы, построенные на комбинации элементов армянского и русского языков. В дискурсивном фрагменте: «*Բերել որել եմ էսրեղ, քի մկարք-ը*» наблюдается морфолого-синтаксическое наложение: армянская основа «*մկարք*» интегрируется в русскую падежную систему посредством присоединения окончания предложного падежа *-е*, обусловленного наличием предлога «*քи*». Это – типичный случай морфологической гибридизации. Такие случаи иллюстрируют не только языковую креативность, но и наличие устойчивой стратегии грамматической гибридизации.

В примере «*Համեր ջան, քարեց քարի դու կաքարեկադրո՞վում ես, пальчики լլուլլ-ую*» армянский корень глагола *լլուլլել* соединяется с русским глагольным окончанием *-ую*, маркирующим 1-е лицо настоящего времени изъявительного наклонения.

¹⁰ Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. – СПб.: Златоуст, 2012, – 488 с.

Образованная гибридная форма *լլլլլ-ую* служит не только номинативной, но и экспрессивной функции.

Глагольные гибриды в билингвальной практике отличаются устойчивостью и подчиняются русской грамматической парадигме по признакам лица, времени, числа и наклонения. Они демонстрируют флексивную субституцию – один из ключевых механизмов грамматической гибридизации: Она много *բամբասւ-ует* о ней, но и зовет в гости (бамбасует = сплетничает); // *Նստ-уйте*, не *վախ-уйте* (нстуйте = садитесь, не вахуйте = не пугайтесь); // – Ты *կասկած-уешь*, что я могу сделать это?! / – Я?! Нисколько не *կասկած-ую* (каскадуешь = сомневаешься, каскаую = сомневаюсь); // – Это ты болееешь, / – Нет, уже *դղկ-уюсь* (дзвуюсь = поправляюсь).

Не все гибридные глагольные формы представлены в форме инфинитива. Во многих случаях интеграция осуществляется на уровне *личных* или *императивных* форм глагола (например, *զգ-уй* (згуй = чувствуй) себя дома, *զանգ-уйте* (зангуйте = звоните) мне вечером, *հաշվ-уй* (ашвуй = считай) / *հաշվ-уйте* (ашвуйте = считайте) деньги нормально, *մտած-ую* (мтацую = думаю) о работе и др.), что свидетельствует о функционально-коммуникативной направленности. *Инфинитивные* формы встречаются реже (*սրճ-овать* (срчовац = кофейничать), *ստանկերաց-тавлять* (паткерацтавлять = представлять), *հորին-овать* (ориновать = придумывать) и др.). Можно сказать, что процесс гибридизации подчиняется не столько структурно-лингвистическим нормам, сколько коммуникативной целесообразности и прагматической релевантности в конкретном речевом акте.

Кроме глагольных форм, наблюдается также деривация существительных, прилагательных и слов состояния: *վզվզնյակ* – от арм. *վզվզալ* с русским суффиксом -няк (по аналогии со сквозняк); *սառնիւ-дильник* – от арм. корня *սառնի* (холодный) и русской словообразовательной модели холодильник; *մաքրոց-ант* (официант), *մարրի-вик* (беловик), *աչք-астый*, *ալարկոլ-ный*, *կարմիր-ная*.

Отдельный пласт составляет *переводческая гибридизация*, при которой осуществляется транспозиция одного из компонентов на язык-реципиент с дальнейшей интеграцией: *խոսիւ-фон* (телефон), *գիրք-սեր* (книголюб), *չ-учила* (не учила) и др.

Инновационные лексемы, такие как *չաչանիւ-шка* (болтун) или *իրավարան-ка* (юристка), иллюстрируют как экспрессивную, так и гендерно-маркированную функцию гибридов, при этом суффикс -ка варьируется от уничижительного до нейтрального значения в зависимости от контекста.

Гибридные формы, особенно такие как *հաւկաց-нятно* / *հաւկա-нятно* (понятно), образованные от арм. *հաւկանիւ* и русской формы состояния, представляют собой случаи категориальной деривации, в которых армянская семантика инкорпорируется в русскую грамматическую оболочку.

Прозвищные гибриды (*Անուшкин*, *Бамбасик*, *Клориковна*, *Քոլլոլի+ович*, *Լավրեն+чик*) образуются по моделям русских фамилий / отчеств с армянскими корнями, часто несут ироничную или насмешливую функцию, закреплены в локальных билингвальных сообществах и отражают культурные сценарии речевой игры.

Гибридизация выступает как динамичный и продуктивный процесс, отражающий не только лингвистические механизмы креативного словообразования, но и глубинные социокультурные и идентификационные установки билингвального сообщества. Их использование свидетельствует о высокой степени языковой гибкости, лингвистической компетентности и способности к межкузыковой трансформации и адаптации.

В параграфе 3.3.3 «Эрративизация как механизм языковой игры в армянско-русском

билингвальном дискурсе» исследуется феномен **эративизации** как особый тип речевого поведения армянско-русских билингвов, проявляющийся в *стратегически мотивированном отклонении от языковых форм и норм с целью создания коммуникативного, стилистического или экспрессивного эффекта*. Эративизация интерпретируется как *разновидность лингвокреативной стратегии, в рамках которой билингв моделирует новые языковые формы, опираясь на метаязыковую рефлексию и установку на игровое использование языковых единиц*.

Впервые в научной практике настоящее исследование обращается к феномену эративизации в контексте билингвального дискурса, рассматривая его как продуктивный механизм языковой игры, речевую стратегию и неконвенциональную форму КП.

С точки зрения типологии речевого поведения, эративизация в билингвальной среде соотносится с экспрессивно-адаптивным типом коммуникативного поведения, в основе которого лежит способность варьировать языковые средства в зависимости от контекста, коммуникативной интенции и социальной установки. Подобное поведение характеризуется высокой степенью языковой рефлексии, стилистической осознанностью и игрой на стыке языков и культур, что и делает эративизацию продуктивным механизмом не только самовыражения, но и формирования локального культурного кода.

Выделяются два типа намеренных речевых искажений в билингвальной коммуникации: **чистые** эративы и **интерферентные** эративы. Первые представляют собой сознательные отклонения от нормы в пределах одной языковой системы, используемые в целях речевой игры, создания иронического или комического эффекта, стилизации. Эти речевые формы отражают специфику языкового мышления билингвов, а также механизмы культурной адаптации, интерпретации норм и индивидуализации высказывания. Подробные примеры с лингвокультурной интерпретацией представлены в *Приложении 3*.

Интерферентные эративы – явление, которое мы определяем как *интерференция-без-незнания*, – представляет собой особую языковую форму осознанного отклонения от нормы, используемую билингвами как речевую стратегию, и отличаются от межязыковой интерференции тем, что реализуется как контролируемая лингвотворческая форма игры.

Интерферентную эративизацию мы рассматриваем как неконвенциональную форму КП, поскольку она не сводится к явному чередованию языков, а реализуется на скрытом уровне за счет переноса морфологических, синтаксических, фонетических или семантических моделей из одного языка в другой. Подобные случаи являются маркерами билингвальной интерференции и свидетельствуют о когнитивной двуязычности, при которой речевая продукция подчиняется не одному, а сразу двум языковым регистрам.

Интерферентные эративы в билингвальной коммуникации могут быть типологически разделены на **фонетические, лексические и грамматические** в зависимости от уровня языкового нарушения.

Фонетические эративы возникают в результате системных расхождений в фонологической структуре контактирующих языков. Их формирование обусловлено процессами метатезы (перестановки звуков), эпентезы (вставки звуков) и фонемной субституции (замены одной фонемы на другую по аналогии с Я1). В эративах *талерка, сметан, падаголник, сарфетка, блокнорт* и др. наблюдаются искажения звуковой последовательности, включая инверсии согласных и подстановку звуков, представляющих собой типичный случай метатетической фонетической интерференции. А эратив *каструнка*, демонстрируют замену мягкого латерального согласного [л'] на твердый носовой [н]. Фонетические эративы иллюстрируют проекцию фонологической системы Я1 (армянского) на Я2 (русский), что соответствует понятию фонемной субституции. Другой пример – *украинсквы борич* – демонстрирует комплексную интерференцию, включающую как субституцию, так и орфоэпическую гиперкоррекцию. Звук [ш], отсутствующий в

армянском языке, заменяется комбинацией твердого спиранта [ш] и аффриката [ч].

Лексические эрративы в армянско-русском билингвальном дискурсе демонстрируют различные типы отклонений от литературной нормы, обусловленных межъязыковым влиянием и интерференцией на уровне лексики и семантики. Типичным примером является выражение «**русскую школу скончался**», в котором происходит лексическая замена глагола: вместо глагола «**окончил**» используется однокоренной «**скончался**», но принадлежащий к другой семантической группе.

Эрративные лексемы **зачему** и **за потому** демонстрируют словообразовательные инновации под влиянием армянских моделей. В первом случае слово **зачем** подвергается эрративной модификации с добавлением армянского аффикса -у (-*ni*). Аналогичным образом формируется и эрративный ответ **за потому** – квазисоюз, возникший по аналогии с армянскими причинно-следственными конструкциями. Обе формы придают речи стилистически сниженный, пародийный оттенок.

Грамматические эрративы, функционирующие в дискурсе билингвов, отражают влияние грамматических структур армянского языка на русскую речь. Одним из примеров грамматического эрратива является искаженная форма **ножница** вместо нормативного **ножницы**. В русском языке данное существительное относится к разряду *Pluralia tantum*, а в армянском языке его эквивалент – **ձրիւն** – может употребляться как в единственном, так и во множественном числе, что и провоцирует аналогичное использование в русской речи билингва. Аналогичное функционирование наблюдается и в отношении слова **дрова**.

Отдельные эрративы в билингвальной речи обнаруживают тенденцию к **идиоматизации**, например, эрративное выражение «**русскую школу скончался**», «**я столба - ты столба**», формируя устойчивые выражения с переносным значением.

Таким образом, эрративизация в билингвальной речи – это не просто нарушение нормы, а инновационная коммуникативная стратегия, семиотический сигнал, способ социального позиционирования и форма языкового творчества.

В Заключение подведены итоги исследования, сформулированы основные положения и выводы:

1. В центре исследования находится армянско-русская БЯЛ – типизированная категория, формирующаяся на стыке двух лингвокультурных систем. Ее структура развивается на пересечении армянской, русской и билингвальной семантических систем, каждая из которых выполняет самостоятельную когнитивную функцию, одновременно находясь в постоянной взаимосвязи и формируя интегральную билингвальную идентичность.

2. В рамках исследования установлено, что БЯЛ функционирует через многоуровневую систему: от вербально-семантического уровня до речетворческого уровня, на котором формируется индивидуальная языковая картина мира. Особое значение приобретают коннотативная лексика, прецедентные феномены, гибридные языковые формы и лингвокультурные коды, выступающие знаками культурной памяти и средствами когнитивной и прагматической идентификации билингва. Особую значимость приобретает модально-оценочная трансференция, демонстрирующая перенос оценочных значений и эмоциональных коннотаций из одной языковой культуры в другую, что свидетельствует о синтезе лингвокультурных кодов. Показано, что когнитивное пространство этих билингвов характеризуется высокой степенью интерференции и языковых переносов. Армянско-русские билингвы активно интегрируют элементы обеих культур, формируя гибридные языковые формы и конструкции, специфический билингвальный дискурс.

3. Установлено, что армянско-русские билингвы свободно манипулируют языковыми кодами в зависимости от коммуникативной ситуации, собеседника и контекста. Прецедентные тексты, коннотативная лексика и культурные реалии обоих языков используются ими как средство выражения идентичности, эмоциональной оценки и

прагматического воздействия. Таким образом, билингвы выступают трансляторами культурных смыслов, обладающими повышенной прагматической чувствительностью.

4. Лингвокультурная специфика армянско-русских билингвов проявляется в синтезе элементов обеих культур на всех уровнях ЯЛ. Эти билингвы формируют особую языковую картину мира, в которой взаимодействие армянского и русского языков способствует не только обогащению речевых форм, но и формированию толерантного, межкультурно ориентированного сознания.

Армянско-русский билингв предстает как лингвокультурный феномен, в котором реализуется «конъюнкция трех смыслов»: он одновременно является носителем армянской, русской лингвокультур и билингвальной идентичности как особого типажа существования в условиях культурно-языкового взаимодействия. Эмпирический анализ дискурсивных практик подтверждает наличие данной трехуровневой структуры: билингвы апеллируют к обоим монолингвальным кодам, одновременно демонстрируют уникальные стратегии интеграции, культурной адаптации и смыслопорождения, свойственные только БЯЛ.

Опубликованные работы по теме диссертации

1. Барсегян С.С. Эрративные конструкты в условиях армянско-русского билингвизма // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций № 3 (98 март), часть 2. – М., 2017. – С. 9-15.

2. Барсегян С.С. Проблемы транскультурной коммуникации и современный билингвизм // Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания РКИ» (посвященная 98-летию кафедры). Сборник научных статей. Ереван: – АГПУ, 2020. – С. 20-38.

3. Savchenko I.A., Barseghyan S.S. Bilingualism as a Phenomenon of Transcultural Communication in the process of foreign language learning // Вестник Томского государственного университета, 2021, № 463. – С. 188-195 (журнал индексируется в международной базе данных Web of Science).

4. Савченко И.А., Алоян Ж.Л., Барсегян С.С. Русский язык в современной Армении: элементы компаративного обучения // Вестник Томского государственного университета, 2022, №483. – С. 195-208 (журнал индексируется в международной базе данных Web of Science).

5. Савченко И.А., Тадевосян Т.В., Барсегян С.С. Метанарратив и фразовый режим в дискурсе армянского города // Язык и культура. Томский государственный университет. 2024. № 65. – С. 28-55 (журнал индексируется в международной базе данных Web of Science).

6. Барсегян С.С. Исторические предпосылки развития и современное состояние армянско-русского билингвизма // Научные ведомости Ванадзорского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки, 2024, № 2. – С. 8-19.

7. Барсегян С.С. Прагматические аспекты использования коннотативной лексики в дискурсе армянско-русских билингвов // Научные ведомости Ванадзорского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки, 2025, № 1. – С. 8-21.

8. Савченко И.А., Грдзелян Р.Р., Барсегян С.С. Городская билингвальная среда как синергетическое пространство дискурсивной лингвокреативности // Язык и культура. Томский государственный университет. 2025. № 72. – С. 51-79 (журнал индексируется в международной базе данных Web of Science).

Սվետլանա Սերյոժայի Բարսեղյան
Հայերեն-ռուսերեն երկլեզվակրի լեզվամշակութային բնութագրերը
Ամփոփում

Արենախոսությունը նվիրված է հայերեն-ռուսերեն երկլեզվակիրների լեզվամշակութային բնութագրերի բացահայտմանն ու նկարագրությանը՝ որպես բարդ և բազմաշերտ երևույթի, որը ձևավորվում է կայուն երկլեզվության և միջմշակութային փոխազդեցության պայմաններում:

Աշխարանքի **արդիականությունը** պայմանավորված է ժամանակակից լեզվաբանության՝ մարդակենտրոն մոտեցումների նկատմամբ հետաքրքրությամբ, մասնավորապես երկլեզու անհատի՝ որպես յուրաքանչյուր լեզվամշակութային բնութագրեր կրողի քննությամբ: Ընդ որում երկլեզու անհատը, որի խոսքային վարքագիծը դրսևորում է լեզվական և մշակութային կոդերի համալիր համադրում, դիտարկվում է որպես միջնորդ երկու լեզվամշակութային համակարգերի միջև:

Ուսումնասիրության **օբյեկտը** հայերեն-ռուսերեն երկլեզվության պայմաններում գործող երկլեզու անհատն է:

Ուսումնասիրության **առարկան** հայերեն-ռուսերեն երկլեզվակիրների լեզվամշակութային բնութագիրն է, որը դրսևորվում է նրա ճանաչողական կառուցվածքներում, խոսույթներում, հաղորդակցական և գործառական ռազմավարության մեջ, մշակութային հասկացությունների և արժեհամակարգերի ներկայացման մոդելներում:

Ուսումնասիրության **նպատակն է** մշակել երկլեզու անհատի տեսական և մեթոդաբանական մոդել՝ դրա լեզվամշակութային և խոսութային առանձնահատկությունների ձևավորման տեսանկյունից, բացահայտել երկլեզվական խոսույթի ձևավորման, կիրառման և ներկայացման առանձնահատկությունները:

Ուսումնասիրության համար առաջադրվել են հետևյալ **խնդիրները**.

1. իրականացնել լեզվական շփման տեսության, երկլեզվության և լեզվակիր անհատի տեսական և մեթոդաբանական վերլուծություն՝ պարզաբանելով երկլեզվության առանձնահատկությունները ժամանակակից հանրամշակութային իրողությունների համադրությամբ և հիմնավորելով երկլեզու անհատի քննության համակցված մոտեցումը,

2. ուսումնասիրել լեզվամշակութային արտահայտման և իմաստային փոխակերպման մեխանիզմները երկլեզու խոսույթում՝ հիմնվելով հայերեն-ռուսերեն երկլեզվակիրների խոսքային գործունեության վրա,

3. մշակել հայերեն-ռուսերեն երկլեզու անհատի լեզվամշակութային և խոսութային կառուցման տեսական մոդել, ամփոփել ստացված արդյունքները և սահմանել հետագա հետազոտությունների հնարավոր հեռանկարները:

Հետազոտության **վարկածն** այն է, որ երկլեզու անհատի լեզվամշակութային ձևավորումը իրականանում է լեզվամշակութային փոխազդեցության և խոսութային գործունեության յուրահատուկ մեխանիզմների միջոցով, ինչն արտահայտվում է երկու լեզվամշակութային համակարգերի միջև իմաստների փոխակերպման, համադրման և փոխանցման ունակությամբ: Ընդ որում երկլեզու անհատի լեզվամշակութային

ձևավորումը պայմանավորված է նրա ճանաչողական, հաղորդակցական և խոսքային գործունեության գործաբանական ու իմաստաբանական յուրահատկություններով՝ երկլեզվային փոխազդեցության համապետություն:

Ուսումնասիրության **գիտական նորույթը** այն է, որ մշակվել է հայերեն-ռուսերեն երկլեզվակրի լեզվամշակութային դիմանկարի հայեցակարգ՝ հիմնված նրա խոսութային վարքագծի ճանաչողական, իմաստաբանական և գործաբանական առանձնահատկությունների համապարփակ վերլուծության վրա: Առաջին անգամ առաջարկվում է երկլեզու անհատի մոդել՝ հաշվի առնելով նրա մշակութային ինքնության և խոսքային-ստեղծագործական գործունեության միասնացված (ինտեգրատիվ) բնույթը:

Հետազոտության **մեթոդաբանությունը** հիմնված է լեզվաբանական, հումանիտար, ճանաչողական և խոսութային-իմաստաբանական մեթոդների համադրման վրա:

Հետազոտության **գործնական արժեքն** այն է, որ նրա արդյունքները կիրառելի են միջմշակութային հաղորդակցության, հանրալեզվաբանության, լեզվամշակութային ուսումնասիրությունների, երկլեզվության ուսուցման դասընթացներում, ինչպես նաև միգրացիոն քաղաքականության, թարգմանության տեսության և կիրառական լեզվաբանության ոլորտներում:

Կատարված **հետազոտությամբ՝** առաջարկվել է երկլեզու անհատի կառուցվածքային ձևավորման մոդել, բացահայտվել են հայերեն-ռուսերեն երկլեզվակիր անհատին բնորոշ լեզվամշակութային առանձնահատկությունները, նկարագրվել են լեզուների փոխազդեցության ձևերը երկլեզու խոսույթում (կողերի փոխակերպում, փոխներթափանցում (ինտերֆերենցիա), լեզվական խաղ), որոնք դրսևորվում են երկլեզվակիրների խոսքում, մշակվել է հաղորդակցական ռազմավարությունների տիպաբանություն՝ պայմանավորված երկու լեզվաշարիով:

Հետազոտությունը թույլ է տալիս եզրակացնել, որ հայերեն-ռուսերեն երկլեզվակիրը դինամիկ լեզվական անհատականություն է՝ խոսքային ստեղծագործական մեծ ներուժով: Սա դրսևորվում է լեզվական փոխներթափանցման, կողերի փոխակերպման, լեզվական խաղի տարրերի և խաչավորման (հիբրիդացման) միավորների կիրառմամբ, որոնք ուղեկցվում են մեկույթլեզվական իմացությամբ և խոսքի միջոցների իրավիճակային հարմարեցմամբ:

Լեզվամշակութային մակարդակում երկլեզվակիրները համապետում են (ինտեգրում են) հայկական և ռուսական մշակույթների խորհրդանշանային կողերը: Մի կողմից՝ պահպանվում է էթնիկ ինքնությունը՝ հայաբանական շերտերի և մշակութային հղումների միջոցով, իսկ մյուս կողմից՝ նկատվում է ռուսական լեզվամշակութային տարրերի աշխույժ գործածություն: Երկլեզվակիրների մշակութային միջնորդությունն արտահայտվում է խաչավորված (հիբրիդային) հաղորդակցական գործընթացներում, նորաբանությունների և կրեոլացված միավորների ձևավորման մեջ:

Այսպիսով՝ հայերեն-ռուսերեն երկլեզվակրի լեզվամշակութային դիմանկարը հանդես է գալիս որպես բազմաշերտ, տարասեռ համակարգ, որը համադրում է էթնիկ ինքնության և երկլեզու խոսույթի առանձնահատկությունները:

Svetlana S. Barseghyan
Linguocultural Characteristics of the Armenian–Russian Bilingual

Thesis for the scientific degree of a Candidate of Philological Sciences on the specialty 10.02.04 - “Slavic Languages”. The defense of the thesis will be held on 27 January, 2026 at 15.00, at the session of the Specialized Council on Linguistics 019 SCC (Supreme Certifying Committee) in the Institute of Language after H. Acharyan of the National Academy of Sciences, RA (address: 0015, Yerevan, Grigor Lusavorich st.15).

Summary

The present study is devoted to the identification and systematic description of the linguocultural characteristics of Armenian–Russian bilingual speakers, considered as a complex, dynamic, and multidimensional phenomenon formed under conditions of stable societal bilingualism and sustained intercultural interaction.

The **relevance** of the study is determined by the increasing focus in contemporary linguistics on anthropocentric paradigms of language research, in particular on the investigation of the linguistic personality as a carrier of culturally conditioned meanings. Within this framework, the bilingual linguistic personality is conceptualized as a mediator between two semiotic, linguistic, and cultural systems, whose communicative behavior reflects the processes of interaction, convergence, and reinterpretation of heterogeneous linguocultural codes.

Of particular scholarly interest is the study of bilingual linguistic personalities functioning within specific national and sociocultural communities where historically stable bilingualism has developed. Armenian–Russian bilingualism represents one such case, characterized by the long-term coexistence and interaction of two linguocultures: Armenian and Russian. The specificity of this bilingual environment is обусловлена its formation under conditions of asymmetrical language contact, historical-political dependence, and cultural polyphony, which have shaped distinctive cognitive and communicative patterns.

The purpose of the study is to discover the Armenian–Russian bilingual linguistic personality functioning in the context of bilingual communication.

The theme of the study comprises the linguocultural characteristics of Armenian–Russian bilinguals, as manifested in their cognitive structures, discursive practices, communicative and pragmatic strategies, models of conceptualization, and axiological systems.

The aim of the research is to develop a comprehensive theoretical and methodological model of the Armenian–Russian bilingual linguistic personality from the perspective of its linguocultural and discursive formation; to identify the specific mechanisms underlying the production and functioning of bilingual discourse.

In accordance with this aim, the following **objectives** are formulated:

1. To conduct a theoretical and methodological analysis of the concepts of language contact, bilingualism, and linguistic personality; to specify the peculiarities of bilingualism within the contemporary sociocultural paradigm of language studies; and to substantiate an integrative approach to investigating the bilingual linguistic personality.

2. To analyze the mechanisms of linguocultural representation, conceptual transfer, and semantic transformation in Armenian–Russian bilingual discourse.

3. To construct a theoretical model of the linguocultural and discursive structure of the Armenian–Russian bilingual linguistic personality, to generalize the obtained results, and to outline prospects for further research.

The research hypothesis is that the formation of the Armenian–Russian bilingual linguistic personality is mediated by specific mechanisms of interlingual and intercultural interaction

realized through discursive activity. These mechanisms manifest themselves in the bilingual's ability to perform semantic transfer, reinterpretation, and integration between two linguocultural systems. At the same time, this process is conditioned by their cognitive organization, communicative-pragmatic strategies, and value-based orientation of speech behavior.

The scientific novelty of the dissertation lies in the development of an integrative conceptual model of the linguocultural profile of the Armenian–Russian bilingual linguistic personality, based on a comprehensive analysis of its cognitive, semantic, pragmatic, and discursive features. For the first time, the bilingual linguistic personality is described as a linguocultural construct that integrates bicultural identity and creative verbal activity within a unified paradigmatic framework.

The methodological basis of the research includes a комплекс of interdisciplinary methods, drawing on linguoculturology, cognitive linguistics, discourse analysis, sociolinguistics, and functional semantics.

The practical significance of the research results lies in their potential application in intercultural communication studies, bilingual education, sociolinguistic profiling, translation studies, language policy, and the development of curricula related to bilingualism and linguocultural studies.

As a result of the research:

- A multi-level structural model of the Armenian–Russian bilingual linguistic personality has been developed;
- The key linguocultural characteristics of Armenian–Russian bilingual speakers have been identified and systematized;
- The main forms of interlingual interaction in bilingual discourse (code-switching, interference, and language play) have been analyzed;
- The mechanisms of cultural hybridization and symbolic code integration in bilingual communication have been revealed;
- A typology of communicative strategies determined by the bilingual linguistic worldview has been elaborated.

The study demonstrates that the Armenian–Russian bilingual linguistic personality is a dynamic, adaptive, and creative system. Its functioning is characterized by a high degree of metalinguistic awareness, flexible manipulation of linguistic resources, and context-sensitive communicative behavior, manifested through code-switching, semantic transfer, discursive hybridization, and elements of linguistic creativity.

At the linguocultural level, Armenian–Russian bilingual speakers integrate the symbolic systems of both Armenian and Russian cultures. On the one hand, cultural and ethnic identity is maintained through Armenian conceptual and value-based structures; on the other hand, elements of the Russian linguocultural space are actively appropriated and reinterpreted.

Their mediating role between two cultures is realized through hybrid discursive practices, genre transformations, neologization, and the formation of creolized and syncretic linguistic units. Consequently, the linguocultural profile of the Armenian–Russian bilingual linguistic personality represents a heterogeneous, hierarchically organized, and multifunctional system reflecting both ethnic identity and the specific features of bilingual discourse production.